

Айрапетова Марина

Неслучайные
Случайности

Марина Айрапетова

Неслучайные случайности

«Автор»

2026

Айрапетова М. С.

Неслучайные случайности / М. С. Айрапетова — «Автор», 2026

В общем-то все люди живут с верой во что-то, кто в божью волю, кто в судьбу, а кто-то и в черта с рогами, ну или во власть. Но есть еще и великий властелин, его Величество Случай! И герою этой книги однажды пришлось испытать на себе, что все происходит по воле случая.

© Айрапетова М. С., 2026

© Автор, 2026

Марина Айрапетова

Неслучайные случайности

Предисловие.

Катя закрыла рукопись и откинулась на спинку кресла. Надо было вылезти из омута чувств и судеб. Вот ведь наглец, взял и срисовал с нее эту Гришкину девушку, даже имя такое же ей выдал! А, кстати, в Гришке тоже есть что-то знакомое. Кое-какие черты характера у себя спёр. Жаль, что такого же наставника в молодости у него не было! Ладно, вечером за чаем надо устроить встречу читателя с автором...

Глава 1 Таланты ищут таланты

В их семье были собраны только талантливые особи. Даже, уходя в глубь веков, в их родах попадались сплошь талантливые представители. Вот и семья, о которой пойдет речь, состояла из людей, которые, опираясь на плотный фундамент одаренности, появились на свет уже снабженными этой привилегией. Итак, он, муж и отец семейства, Родион Иванович, представительный мужчина возраста, медленно подползающего к пожилому, но пока все еще сопротивляющегося. Буквально с пеленок он манипулировал цифрами, вначале теми, что висели над ним и занимательно гремели, успокаивая его плач, затем цифры стали мельче, но гораздо весомее для его математического мозга. Его отец-физик и мать-химик в этом не сомневались ни минуты. Можно сказать, что все было неслучайно, а предрешено буквально с пеленок. Жена его, мать его детей, скорее всего, таким же образом попала в многочисленный отряд скрипачей. Виола Никифоровна, так ее звали, была младше своего начинающего стареть мужа. Она была мелкой и сухонькой женщиной, а на фоне мужа ее мелкость чувствовалась особенно. Музыканты часто подшучивали над ней, удивляясь тому, что ей удастся самой таскать скрипку.

И было у них двое детей. Старшая дочь Ольга уже успела закончить консерваторию, где и закрепилась в роли ассистента и уже имела собственных учеников. Младшего сына, Григория, родители уже с года начали примерять ко всем специальностям, которыми владели талантищи из ближнего круга родни. Малыш был смышленный и способный, по крайней мере, на шалости он был способен абсолютно. Где-то к трем годам никто уже не сомневался в его абсолютном слухе, но его отец считал, что дочь уже продолжила музыкальную династию, и начал зорко всматриваться в другие способности сына. И пока Гришка был маленьким, он радовал отца своим смышленным умом. Родиону Ивановичу нужно было только подтолкнуть развитие в нужном направлении. Но ребенок был не прост, по мере взросления он обратил внимание на пристальный взгляд отца и сильно забеспокоился о свободе своей личности. Тупя направо и налево, он боялся, что разочарование отца вдохновит мать, и ему припомнят музыкальность его предков. Тогда он выбрал те песни, которые его всегда раздражали и принялся их распевать, ловко искажая мелодии. Отчаявшиеся родители наконец немного затихли. Какой-то мудрый знакомый посоветовал оставить временно просто в детстве мальчугана и подождать. Поразмыслив и посоветовавшись, родители пришли к обоюдному согласию, что подождать, наверное, можно, тем более, что к этому времени выяснилось, что у мальчика есть проблемы со зрением. На Гришку надели очки, вид его стал еще умнее, но взгляд из очков остался таким же хитрым. Временно своего «очкарика» родители оставили в покое, но продолжали свято верить, что осечки в их родовых историях быть не должно.

Так Гришку вернули в детство. Кувыркался Гришка в детстве долго, так долго, что, разочаровав окончательно родителей, нарвался на отцовский гнев, который был успокоен последовавшей санкцией. А именно: Гришку, закончившего посредственно по мерке отца среднюю

школу, определили на исправительные работы в отделение научного института, которым и руководил его отец. Он был отдан «мальчиком на побегушках» в отдел под руководством старого друга отца Гришки, который по правилам дружбы был полной противоположностью Родиона Ивановича.

Герман Гордеевич, теперешний начальник Гришки, или ГерГор, как, любя, звали его подчиненные, был умным, добрым, с прекрасным чувством юмора человеком. Ко всем своим чудесным качествам он был еще и демократичным начальством. В общем, Григорий попал туда, куда и требовалось попасть, чего его отец, видно, не предполагал.

Глава 2 Школьная история

Родион Иванович и Герман Гордеевич были друзьями еще со школы. Герку родители привели в школу, где Родик учился с первого класса. Гера попал сюда только в седьмом, так как отца его перевели на работу в Москву из Омска. Мальчики какое-то время присматривались друг к другу. Спустя некоторое время Родик заметил, что новенький присматривается и к Светке, которая уже давно нравилась ему самому. Это Родиона озадачило, да не надолго. Родион был одним из лучших учеников в классе, да еще и хорош собой. Девчонки многие сохли по нему. И Светка была в их числе. А Герка и ростом не вышел, и внешностью особой не отличался, разве что глаза, они были темные, бархатные и какие-то очень теплые. Но его быстро полюбили ребята за добрый характер и веселый нрав. И еще они заметили, что даже многие учителя реагировали на его юмор, и за это одноклассники зауважали его. А Родион был умным мальчиком и быстро понял, что в классе наконец появился человек, с которым можно будет не только бузить, обсуждать девчонок и толкаться на переменках. Итак слово за слово и быстро нашлись интересные для обоих пареньков темы, оказалось, что их обоих интересовали многие мировые проблемы, и они могли говорить о них на равных. Это же отлично!-решил Родион. Здорово, просто потрясающе!- сказал себе Гера.

Пожалуй, только одна тема в их беседах отсутствовала, Девчонки. Родиону было неинтересно обсуждать такую тему с явно неискушенным собеседником. Ну а Герка эту тему носил в самом тайном месте своей души, она была неприкосновенна. Эта тема у него даже имя свое имела, Светлана!

И вот школьные годы промчались неожиданно быстро. Сданные экзамены захлопнули «классные» журналы, выпускной вечер сначала причесал и придел своих выпускников, а потом выстрелил ими, как конфетти из хлопушки, в жизнь. И тут-то они и поняли, что детство осталось там, за дверями школы. Некую растерянность ощутили все, но справились с ней, разумеется, по-разному. Родька уже на следующий день понес документы в университет. Герка несколько дней ходил, как пришибленный, он вообще не мог справиться с мыслями. Он понимал, что надо продолжать учиться, понимал, в чем он силен, чувствовал, что родители, хоть и не давят на него и молчат, но ждут от него разумных действий. Так выражался часто его отец, и почему-то именно теперь эти слова крутились у Герки в голове. А вот Родька на него прямо напирал, он никак не мог понять медлительности и заторможенности друга. Но причина такого состояния была известна только самому Герке.

Это произошло сразу после выпускного. Уже с рассветом бывшие одноклассники начали разбредаться по домам. Гера и Родион вышли вместе из непривычно затихшей школы. Они оба жили довольно близко друг от друга и от школы, но по разные стороны от нее. Герка вяло поплелся домой. Он шел и разглядывал свои новые туфли, которые покрылись за вечер таким слоем пыли, что теперь невозможно было угадать, какого они цвета. А он шел и тупо пытался вспомнить. В голове, как в кастрюле, что-то бултыхалось. На мысли это вовсе не было похоже. Как вдруг он услышал поспешные шаги позади себя. Герка оглянулся. Его догоняла Светка. Нет, Светлана!! Он даже задохнулся от счастливой неожиданности.

-Здорово, что ты тут! Хотя уже и светло, а мне все равно жутко одной.

-А мы с Родькой решили, что все уже разбежались. Такая тишина стояла.

-Мы с Надюкой и Лизочком в туалете на четвертом заговорились.

-Хм! Нашли место.

-Зато никто не мешал. А у нас разговор был серьезный, о жизни.

-А! Самое время..., и место.

-Слушай, а ты что теперь делать будешь? Ой, ну что тебя спрашивать. Что ты, что Родька, вы у нас вундеркинды! В университет конечно.

Герка вяло пожал плечами. Ему об этом сейчас вообще не хотелось говорить. Он вдруг почувствовал, что вот именно сейчас он сможет ей сказать все. Что именно, он даже не понял, но почувствовал, что оно само должно выйти. Вот еще минутки две потянуть, и все получится. А там уж что будет, то будет. Сначала он задаст тривиальный вопрос, а уж потом...

-А ты куда?

-Я? Я через неделю в Ленинград переезжаю. Я, кстати, замуж выхожу.

Герка даже пригнулся от неожиданности. Ему показалось, что на него что-то обрушивается. Пересохло в горле, и ноги, и руки похолодели. Ему захотелось умереть вот прямо здесь, прямо сейчас. А Светка еще что-то говорила, может, быть, объясняла. Ему уже было все равно, он вдруг и оглох, и ослеп.

Оказалось, что они уже стояли у Светиноного подъезда. Она заторопилась домой и стала прощаться. Герка был даже рад этому обстоятельству, он плохо понимал, что теперь он может и должен ей сказать. Он вдруг разомкнул с усилием сцепившиеся от сухости губы и почти прорычал:

-С праздником! Горько!

Резко развернулся и, беспрестанно спотыкаясь, какой-то новой для себя самого походкой поплелся домой.

Дома, к счастью, все спали. Он быстро снял с себя пыльные туфли и тихо прокрался в свою комнату. Гудело и ныло везде, он, не раздеваясь, прямо свалился на кровать. Не хотелось ничего, и даже плакать. Герка почти молниеносно заснул.

Было уже далеко за полдень, когда мама, забеспокоившись, решила его разбудить. Она заглядывала к нему в комнату уже несколько раз. Видя его спящего при всем параде, она почувствовала что-то неладное, но подумала, что сон ему как раз нужнее всего.

Разбуженный Герка теперь сидел на кровати мятый, всклокоченный и растерянный. Мать, глядя на сына, не позволила себе донимать его вопросами. Она ласково потрепала его ключья, торчащие на голове, и пообещала накормить вкусным завтраком-обедом.

Вот так и началась взрослая жизнь Герки. Конечно он поступил в университет, на тот же математический факультет, что и Родька. И работать они оба начали и до сих пор работали в одном и том же институте, и даже диссертации у них были по смежным темам. Только личная жизнь у них пошла совсем по разным дорогам. Герман оказался полным однолюбом. Женщины у него конечно были, но все это всегда ни чем не заканчивалось. То чувство, в которое он влюбился еще в школе, не давало дороги новым, оно вновь и вновь затмевало собой все. Его верный друг, Родик, давно догадался, еще в школе, по кому вздыхал друг. Сначала он удивлялся, потом пытался образумить, но, отчаявшись и приняв эту странность, оставил его в покое, даже начал сочувствовать ему. И все же друзья были очень разными людьми. Родион любил друга за его верность ему, за его надежность, за то, что Гера был для него очень удобным другом, ну и конечно видел в нем равного себе собеседника. Герман же любил просто своего друга, он принимал его таким, каким он был, не пытаясь ни менять его, ни осуждать. Гера всегда в людях искал то, за что их можно было бы полюбить и уважать. И это, как правило, находилось.

Итак Гришка попал в отдел ГерГора. Коллектив в отделе был довольно своеобразный. Прежде всего чувствовалась полная раскрепощенность и свобода. И Гришка сразу же приободрился. «Исправительная колония» оказалась компанейской. Его приняли просто и без расспросов. Григорий даже удивился. Он бы на их месте насторожился, ведь он директорский сынок, и это-то им точно известно. Но он тогда еще не знал настолько хорошо ГерГора. А они все знали, и полностью полагались на него.

Коллектив был не очень-то и молодой с точки зрения юного человека, но легкий и на шутки, и на юмор, и на понимание. Был там, правда, один «старикан», как Гришка прозвал его после того, как тот как-то обратился к нему: молодой человек пацанского вида. Гришка решил не обижаться на него, а просто прозвать его «стариканом». Так он называл его только за глаза, все-таки учитывая его возраст, ну и, ладно, статус. Про статус ему намекнула Лариса, самая молодая из команды. Но прошло совсем немного времени, и Гриша уже и со своим Стариканом был в самых дружеских отношениях. А Старикан был весьма доволен пополнением отдела «свежим источником жизни», это он о Гришке, конечно.

Жизнь Гришки в очень важном и серьезном отделе института была спокойной и нетрудной. А самое главное, оставалось свободное время, которое он проводил с удовольствием. В эти минуты, а иногда и часы найти Гришку можно было в дальнем углу, рядом с всегда открытой дверью в кабинет ГерГора, за шкафом с одной из книг, взятой из этого кабинета. А дверь эта действительно почти всегда была открытой, и никого это не смущало и не стесняло.

Время летело быстро. Вот уже убрали елку, которую выволокли из одного из шкафов, и которую так старательно украшали веселая и резвая Лариса и всеми уважаемый Старикан. Старикан подавал Ларисе игрушки из коробки и при этом сообщал всем либо кто принес когда-то эту игрушку, либо какую-то историю, связанную с долгой жизнью этой елки. Причем делал это так по-домашнему и с его юмором, пусть хоть и немного устаревшим, но от этого еще более смешным. Даже Леонид, самый молчаливый и хмурый бородач, которого все величали будущим академиком, улыбался, хоть и не отрывал головы от своих бумаг.

Новогодние каникулы закончились. Пришло время серьезных разговоров. Именно на такой разговор и позвал ГерГор Григория. Разговор он завел по просьбе своего друга. Родиона Ивановича волновало будущее сына, вот только как подступиться к нему с этим разговором он не знал. В своем сыне он чувствовал некую силу, которая блокировала его уверенность в своей правоте по всем вопросам. Виола Никифоровна в последнее время, успокаивая мужа, твердила одно и то же, мол, мальчик наверняка талантлив, она это чувствует, вот только в какой области никак не понять. И Родион Иванович начинал злиться и нервничать еще сильнее.

Итак последовал трудный и не очень приятный разговор между Германом Гордеевичем и Гришей. Герман и сам не очень понимал, чего хочет и что может этот повеса. Гришка ему нравился, он чувствовал в нем личность, причем, непростую и, по всей видимости, одаренную. И управлять этой личностью ему не хотелось. Он хорошо помнил и себя, и Родьку в той далекой юности. Интересно, что было бы с ними в других обстоятельствах? И вот теперь перед ним это юное существо, которым помимо отца еще и он сам должен управлять. Ну, или направлять, по сути это одно и то же. Все эти мысли разрывали мозг Германа, обремененного поручением друга. Но делать было нечего, снова обстоятельства руководили им.

Из долгой беседы выяснилось, что Гришка хочет стать писателем, а может быть,

драматургом. Он и сам еще не понял своих возможностей. ГерГор с удивлением узнал, что Гриша уже давно пытается писать, как он сам сказал. От того-то он и читает разнообразнейшую литературу. И тут Герман, вспомнил и свое пристрастие к чтению и то, что этот пацан вечно подпирает угол шкафа за дверью его кабинета и постоянно берет его книги и журналы со стола. Вспомнил, что не раз заставлял Гришку, роющим в его дальнем шкафу, где хранилась литература, накопленная за жизнь Германом. Сам он не очень любил проводить время в

своем холостяцком доме в последнее время и часто задерживался допоздна в кабинете, здесь и думать, и решать серьезные задачи, и отдыхать с чтивом в руках было куда уютнее.

Но что же надо было делать теперь, когда он все узнал? Каким образом мог он теперь выполнить свою функцию наставника? Родька точно не поймет, разговор будет тяжелым. А действия разгневанного отца могут стать еще мрачнее. Гришка ведь ясно объяснил Герману, куда он будет поступать, и что делать это он будет гораздо позже. Гришка так и сказал: «Мне побольше пищи надо отправить в мозг и побольше кислорода закачать в легкие. Не хочу я из пальца высасывать свою литературу, она подрасти должна, я это точно знаю». Он даже сказал Герману, что, он все что пишет, сохраняет и время от времени перечитывает. Чаше потом рвет написанное. Вот, когда он напишет то, что захочет сохранить и показать, наступит главный момент начала. Герман понял, что мешать ни он, ни кто-либо другой не должен. В судьбу личности нельзя вмешиваться! А Григорий личность! Герман сидел, слушал и смотрел на сидящее перед ним смешное, лохматое и немного еще угловатое будущее, и на душе у него становилось тепло и спокойно. Он давно уже относился к Гришке по отечески, а сейчас он даже гордился им. Герман понимал, что у его подопечного еще все впереди, все может измениться. Но в Гришкины юношеские поиски себя он точно не собирался вмешиваться. Предстоял, скорее всего, трудный разговор с другом. После беседы с Гришей Герман не спал почти всю ночь. Он прокручивал все возможные варианты разговора с Родионом. Наконец он решил пойти к другу домой именно тогда, когда дома Виола. Герман считал, что ее артистическая натура скорее сумеет понять возможно наивные намерения сына и поможет Герману убедить отца.

Глава 4

Трудный разговор

Трамвай убаюкивающе постукивал о рельсы и пробирался сквозь порывистый ветер, швыряющий в окна трамвая то прошлогодние листья, то редкие и крупные капли дождя. Гришка, прижавшись ухом к стеклу так, что, казалось, он к чему-то прислушивается, мирно спал, время от времени пуская совсем по-детски слюну на поднятый воротник куртки. И снился ему трамвай, спящий пассажир и сильный-сильный дождь, рвущийся во все окна, со слезами умоляющий его впустить. Гришка обязательно запомнит этот дождь и его мольбы. Он всегда любил дождь и дождливую погоду. Ему в такие дни особенно хотелось писать и когда-нибудь написать что-то очень значительное. А пока он мирно спал в полупустом трамвае под шумы дороги и рыдающий дождь. На душе у него было спокойно и тихо.

Тот же самый вечер для Германа был совсем другим. На душе у него штормило. Он метался от одного решения к другому. Герман понимал волнения друга и его тихой жены, но как же ему понятны и близки были желания и намерения парнишки, которого он и сам уже давно полюбил. Это заразительное чувство свободы, которого он и Родька, да и все остальные в той далекой юности были лишены, так не хватало Герману всю жизнь. Их мысли и чувства, как еще в древности маленькие ножки японок, будто вкладывали при рождении в колодки нужной формы и размера.

На следующий день, вечером после работы он поехал к другу. Он знал, что Гришка договорился с друзьями сходить в кино. За Сеанс был поздний, время для разговора было. Родители бедолаги встретили его с напряженными лицами, казались излишне вежливыми и молчаливыми. Герман пересказал разговор с их сыном, стараясь как можно ближе к тексту передать слова Гриши. Свои эмоции и суждения он постарался пока утаить. Надо было понять градус накала эмоций бедных родителей. Реакция, последовавшая, его скорее обескуражила. Виола молча встала и вышла из комнаты. Родька сидел, смотрел растерянно в одну точку и тер остервенело свою шею и затылок.

-Уж никак я не ожидал, что у него и соображалка совсем откажет. Кому он нужен в наше время со своей писаниной. Еще один писака объявился! Читайте и на ум мотайте! Ха!

-Так ты ж сам всегда считал, что он талантлив. Вы же все заражены каким-нибудь талантом.

Герман против своей воли нечаянно съязвил, выгораживая парня. Сказал и осекся, осторожно взглянул на друга. Родион встал с дивана и хмуро поправил друга, добавив:

-Да, ты прав, только мы, видно, поражены этим вирусом. Он ведь дурак не понимает, что талант в наше время ничто, если нет проторенной дороги. Эх! Да что тут рассуждать. Не пинками же его в науку вталкивать...

Дверь из комнаты, в которую удалилась Виола, тихо скрипнула и на пороге появилась она. Очень грустными глазами она посмотрела на мужа, вздохнула и сказала:

-Знаешь, я вдруг впервые порадовалась, что у Гриши плохое зрение и, что без своих линз он вообще обойтись не может. Иначе, пилотки и сапогов ему не миновать.

Она горько улыбнулась Герману и позвала мужчин пить чай.

Герман потер лоб и вскользь посмотрел на друга. Да, о немаловажной детали он сам забыл. Засиделся он в холостяцкой и бездетной жизни, об очень важной проблеме, он совершенно забыл. А проблема как никогда серьезная, особенно теперь.

Пили чай хмуро и молча, будто ритуал какой-то исполняли. Чай был уже выпит, когда вернулся Гришка. Раздевшись и придя на кухню, он, как только увидел ГерГора, насторожился и теперь осторожно всматривался в позы и лица сидящих. Первым приободрился Герман. Он оживленно начал говорить о каких-то мелочах, о своих планах на ближайшие дни и заторопился домой. Родион пошел проводить его до двери. В дверях они обменялись многозначительными взглядами и пожали друг другу руки. Все значения взгляда друга каждый теперь мог истолковывать по своему.

Гришка конечно почувствовал некоторое напряжение в родителях, но ему совсем не хотелось погружать себя в головоломные разборки.

По дороге домой у Германа разболелась голова, он как-то весь ослаб, и только голова гудела, как мотор переполненной машины. Думать он не мог, он только перекладывал тяжелые и вязкие мысли с места на место. Он себя чувствовал одновременно и верным другом и предателем.

Глава5

Временная пауза

В семье Родиона Ивановича поселилось молчаливое перемирие, если это можно было назвать перемирием. Но и на «холодную войну» оно тоже не было похоже. Все трое погрузились в размышления.

Гришка жил всегда текущим днем, и пусть временный, но покой его устраивал. Виола Никифоровна, как только успокоила себя мыслью о невозможности службы в армии, просушила слезы, вздохнула и начала готовится к поездке на гастроли, надеясь, что к моменту ее возвращения здесь все уладится. Она любила обоих своих мужчин, и теперь, когда Гришка так повзрослел, она побаивалась вступать в их схватки, не в шутку опасаясь, что ее сотрут. А Родион пыхтел, сопел при виде сына и поглощенной сборами жены, избегал встреч с другом. Он помнил тот давнишний совет, оставить пацана в детстве, и то, что он прислушался к совету. И вот вам, пожалуйста, что из этого получилось! А теперь что предложит советчик? Оставить вполне взрослого мужика в отрочестве? Голова у Родиона разрывалась от бессилия. И еще одно обстоятельство не давало ему покоя, хотя он всеми силами гнал его от себя и все время подыскивал весомые доводы. Но все эти доводы почему-то рушились. Возможно из-за ветхости? Он все чаще и чаще вспоминал свои первые дни после окончания школы. Все

было так ясно и четко: довольные и удовлетворенные лица его родителей, его собственный размеренный распорядок дней во время вступительных экзаменов, разумные доводы, которыми он вразумлял друга, потерявшего голову из-за смещения чувств. И даже брак с Виолой! Он раньше никогда об этом не задумывался, но теперь вдруг колючая мысль иногда посещала его. Он познакомился со своей будущей женой, пойдя по просьбе родителей в гости к их друзьям. Это был юбилей маминого сослуживца. Там было немало и молодых людей, сын юбиляра со своей невестой, какие-то племянники и племянницы. Но была и пара знакомых жены юбиляра, музыкантов, которые пришли тоже со своей дочерью, как и его родители. Их сразу познакомили, ну и, разумеется, им было удобнее общаться именно друг с другом в совершенно незнакомой компании. Нет, он, конечно, любил свою жену, но, как теперь оказалось, и это тоже было заранее спланировано. Может быть именно поэтому он так спокойно всегда расставался с женой, когда она уезжала на гастроли? Ему вдруг теперь именно показалось, что тогда, в юности его лишили тех сомнений, метаний и острых ощущений, которые нужно было испытать. Этот период жизни именно сейчас пришел к Родиону, и он давался стареющему Родьке очень трудно. Он с содроганием думал теперь о том, какие еще испытания готовит ему совершенно непохожий на своих родителей и сестру сын.

И только Виола вымещала все свои тревоги на скрипке, которая и звучала теперь как-то особенно тревожно, даже иногда надрывно.

Бедный Гришка не подозревал, каков был уровень драмы вокруг простого вопроса, по сути касающегося только его самого.

А научная и трудовая деятельность всех участников драматических событий шла, как обычно, по своим правилам. В те дни, когда ГерГор занимался преподавательской деятельностью в Университете, Гриша, разумеется с разрешения хозяина, все свободное время, а его хватало шустрому повесе, копался в «гергоровом» личном книжном шкафу. И ему нравился хаотичный подбор очень разных и очень интересных книг. Он этот шкаф прозвал своим универсом.

Все в отделе видели, что «мальчик на побегушках» часто застревает, сидя прямо на полу у раскрытого шкафа, но его шустрость в выполнении всех поручений служила ему хорошей защитой от каких-либо претензий. И только Старикан, всем сердцем привязавшийся к сообразительному и бойкому юноше из неведомого ему нового, очень нового поколения, замечал, что паренек постоянно что-то записывает в своем потрепанном блокноте, с которым он никогда не расстается. Старикан еще обратил внимание, что выражение лица Гришки в эти моменты становилось совершенно незнакомым, потусторонним что-ли.

Теперь, когда домашний конфликт затих, жизнь Гришки шла спокойно и хорошо. Вот только больше в одиночестве. Нет, он конечно же встречался с друзьями, бывшими одноклассниками, с другом детства, с которым он часто играл во дворе. Но все уже повзрослели, где-то учились или работали, некоторые даже жениться успели. А у Гришки и девушки-то не было. Он влюблялся, конечно в школе, но ненадолго, быстро начинал уставать от утомительного чувства. А теперь и совсем не в кого было. Он приглядывался в столовой к женскому контингенту, но он его скорее пугал, чем притягивал. «Они слишком умные для меня!»-успокаивал себя Гришка и продолжал с аппетитом поглощать обед. ГерГор однако все чаще и чаще задумывался о судьбе своего подопечного. Его как раз беспокоил, по всей видимости, отшельнический образ жизни парнишки. Он знал, что такое одиночество. Но Герман никогда не заговаривал с Гришкой на эту тему, он вообще больше слушал людей, чем говорил и уж тем более не любил влезать не в свое дело или поучать.

А вот Старикан частенько подзадоривал «мальца» на такие разговоры. Он делал это, всегда шутя, с хитрым прищуром. Но и ответы получал в том же духе.

Встреча с загадкой

Весной, когда время года и погода располагали к легкости и радостному возбуждению, на отдел ГерГора свалился серьезный и важный заказ. Все погрузились в работу. Сам ГерГор работал, не поднимая головы. Шутки и разговоры о жизни забились в углы и покорно выжидали лучших для них времен. Гришку постоянно куда-нибудь гоняли, а когда для него не было поручений, о нем забывали. Паренек теперь полюбил наблюдать за всеми сотрудниками. Внимательно присматривался к их позам, выражениям лиц, слушал их обсуждения или споры. И ему нравился этот период, многих, как оказалось, он и не знал. Он видел теперь, кто из них занимался именно своим делом. Он любовался ими и радовался, что не подчинился напору родителей.

Однажды весенний день пришел совсем не в весеннем настроении. Тяжелое небо накрыло весь город, уже к полудню погрузив его в сумерки. Холодный ветер дул изо всех щелей, казалось, что даже гигантские дома дрожали от этого ветра. Иногда ветер все окроплял крупными дождевыми каплями, а потом их сам же срывал с места и просушивал на лету. Еще не появившаяся листва, казалось, зарывалась обратно в почки. Была суббота, Гришка и Родион, позавтракав в мирном, но тягостном молчании, разошлись по своим комнатам. Виола все еще витала то в облаках, то в концертных залах, далеких от Москвы. Гришке, несмотря на ненастную погоду за окном, захотелось пройтись, побродить по улицам. Он быстро оделся, закрутил шею толстым шарфом, натянул капюшон почти на глаза, буркнул отцу на его вопросительный взгляд что-то невнятное, кивнул и закрыл за собой поспешно дверь. Спускаясь, как всегда, по лестнице, а не в лифте, он почему-то очень серьезно решал идти ему налево или направо. Вышел из подъезда и пошел прямо через двор, потом закоулками и дворами наконец пришел к бульвару, от которого, как ветки от огромного дерева во все стороны простирались его любимые переулки и улицы, которые резали город на множество небольших, уютных, тихих микрорайончиков. Он любил здесь гулять и рассматривать окна. Эти окна, такие разные, рассказывали Гришке о своих жильцах.

Ветер подлетал с разных сторон и все норовил влезть в капюшон или сорвать его. А Гришка все шагал и шагал, ему среди этих пожилых домов и тесных улиц было свободно и легко. Он шел и ни о чем не думал, но знал, что потом вспомнит свои пока неведомые мысли и обязательно запишет их. Взгляд его, блуждая по мелькавшим окнам, очень разным подъездам, вдруг остановился на двух ярких точках в конце переулочка. Теперь он шел именно за этими двумя точками. Издали они ему казались одного цвета, но, когда он их почти догнал, он увидел в нескольких шагах от себя двух девушек в очень похожих шапочках, причем цвет этих шапок все таки был разный, одна оранжевая, а другая красная. А за плечами по спинам их тихонько похлопывали футляры со скрипками. Гришка вдруг сразу вспомнил маму. У маленькой мамы скрипка в футляре всегда казалась огромной. У этих девушек, совсем наоборот, скрипки не казались такими большими. Он продолжал идти за ними, соблюдая небольшую дистанцию так, чтобы и не спугнуть скрипачек и все же рассмотреть их получше. Было что-то загадочное в этих очень похожих шапочках и совершенно одинаковых футлярах за спинами. Он шел и немного посмеивался над ними. Но теперь ему ужасно захотелось хотя бы вскользь рассмотреть их лица.

Он понял, что ему ничего не остается, как прикинуться ослom. Гришка натянул пониже капюшон, сделал глубокий вздох и, почти подойдя вплотную, выпалил первый пришедший в голову вопрос:

-Девушки, я не могу найти улицу Бронную, Малую. Помогите, если, конечно, знаете.

Девушки сначала удивленно переглянулись, потом у той, что была в красной шапке, мелькнула хитрая, мимолетная улыбка. И они почти хором ответили говорящему «ослу»:

-Так мы и стоим на ней.

И «красная шапочка» иронично кивнула на стену дома, у которого они стояли. Гришкин осел пошел взглядом за ней и прочитал специально вслух вывеску на стене последнего дома, рядом с которым они стояли. Но это был Гришкин осел, а сам Гришка пытался внимательно рассмотреть лица «шапочек». Девушки, рассмеявшись и кивнув ему дружелюбно, развернулись дружно и зашагали вперед, наверное туда, куда их тихонько подталкивали скрипки за спинами.

А Осел все стоял, уставившись на вывеску на углу последнего дома по Малой Бронной и пытался еще раз рассмотреть в памяти внешность смешных девушек. Но ему вспоминались только их глаза. Они его сразу поразили: с совершенно одинаковых лиц на него смотрели два совершенно разных взгляда. Теперь он, все еще стоя на прежнем месте, пытался зафиксировать эти взгляды в своей памяти, чтобы потом попробовать понять, почему они его так поразили.

Когда девушки скрылись из виду, Гришка решил погулять по бульварному скверу, но тут все-таки дождь победил в схватке с ветром и многообещающе брызнул прямо в лицо. Делать было нечего, надо было возвращаться домой. Через дворы и знакомые лазейки до дома было недалеко. Уже поднимаясь по лестнице и оставляя за собой внушительную мокрую дорожку, Гришка понял, что дождь бежал вместе с ним. К счастью отец спал на диване перед бубнящим что-то телевизором. Когда борьба с мокрой одеждой и мокрым полом была закончена, он крадучись прошмыгнул к себе в комнату. Внезапная томительная усталость навалилась на него и буквально затолкнула под плед. Гришка покорно завернулся в этот плед, свернулся поуютнее на кровати и заснул. Что ему снилось, он не понял, но когда его будил голос отца из кухни, зовущий ужинать, на него из уходящего сна смотрели глаза со знакомым взглядом. Но, уходя, сон коварно резко опустил занавес. Гришка сладко и громко зевнул, потянулся и поплелся на кухню к уже стучавшему вилкой по тарелке отцу. Пахло аппетитно, и стало вдруг уютно. Гришка улыбнулся отцу. После теплого ужина и горячего чая на душе у него тоже стало тепло и уютно. Закончив с едой он теперь сидел размякший, разомлевший и раскрасневшийся за столом, откинувшись на спинку стула и смотрел куда-то далеко, куда и сам не знал. Родион с интересом тайком наблюдал за сыном. И, пожалуй, впервые всерьез подумал о том, что совершенно не знает его. А за окном бродил в поисках ночлега после бурного дня тихий вечер.

Вернувшись к себе в комнату, Гришка с книгой устроился с ногами на кровати, прислонившись спиной к стене. Но читать не получалось, в голове бегали мысли, которые ему не удавалось поймать, чтобы спросить, о чем они. И тут вдруг он вспомнил главный эпизод прошедшего дня. Сначала в памяти всплыли смешные шапочки, потом вся дурацкая ситуация с его ослиным вопросом. Но в памяти пряталось еще что-то, мысли крутились вокруг этой загадки. И наконец он понял! Это были глаза этих одинаковых девушек. Но что же было странного в этих глазах, и почему они его так зацепили?! Эта загадка никак не разгадывалась.

Глава 7

Гришка стал еще более загадочным.

В следующую субботу он отправился в то же самое время по тому же маршруту. Но день стоял теплый и солнечный. Шапки и капюшоны у всех были сняты. Прохожие радовались настоящему теплему весеннему дню. За неделю спрятавшиеся молодые листочки осмелели и теперь дружно зеленели со всех сторон. Ветер тоже сменил гнев на милость и, словно веером, обдувал лица нежным ароматом весны. Наверное надо радоваться этому, но вот Гришке было не до радости. Ну как тут найдешь эту «Красную шапочку»? Да и рыжая шапка нужна, чтобы понять разницу их взглядов. Он начал искать людей со скрипками, и даже такие не попадались.

Шли дни и недели. Гришка надеялся, что другие впечатления и заботы вытеснят эту, но не получалось. ГерГор заметил перемену в своем подопечном. Теперь парень стал более рассеянным и задумчивым, раньше он в свободное время либо читал, либо что-то записывал.

Теперь же, даже читая, он часто отрывался от книги и зависал где-то там, в своих мыслях. Однажды Старикан, когда Гришку услали с поручением, вдруг ни с того, ни с сего сказал вслух:

-Малец наш подрос, теперь чувствовать и страдать учиться. Ну правильно, не все же силы, в конце концов, мозгам отдавать.

Сказал он это будто сам себе и по-стариковски хмыкнул.

А искать загадочных скрипачек Гришка продолжал. Апрель уже подходил к концу, на шапки надежда провалилась. Оставались еще скрипки. В этом районе Москвы прохожих со скрипкой за спиной можно было встретить довольно часто. Но тех девушек случай от него прятал.

Но однажды, случай все-таки сжалился над Гришкой. В этот вечер он, подходя к своему дому, увидел, как две девушки со скрипками входили в соседний подъезд. Он бросился к этому подъезду наперерез через двор, перепрыгивая маленькие изгороди. Он еще не знал, что будет делать, если успеет. Но он не успел, когда он уже почти подлетел к двери, она захлопнулась прямо перед его носом. Он обругал чертов кодовый замок и поплелся восвояси. Сердце его пыталось выпрыгнуть из него и не от бега, а от предположения, что это могли быть именно те скрипачки, и, надо же, живут так близко. А вдруг они вовсе не живут здесь, а просто пришли в гости? Хотя, в гости идти со скрипкой? Странно! И почему тогда они не в своих шапках пришли, для полной точности? Гришка ухмыльнулся своей же шутке. Господи, что это с ним? Почему он все время ищет их? Или ее? Все эти вопросы успокоили порывы сердца вырваться из тела. Стоя уже перед своей дверью, он дышал спокойно и ровно. Можно было входить, дома, наверное, были уже оба родителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.